

Кленовая весна*. Забастовка студентов Квебека в феврале – августе 2012 г.

Для того чтобы понять политическое и общественное значение студенческой забастовки в феврале – августе 2012 г. в Квебеке, самого крупного народного протеста за многие годы, надо понимать общую политическую обстановку последних трех десятилетий в Канаде (да и в капиталистическом мире вообще). Начиная с 1980-х годов буржуазия в коалиции с государством ведет наступление то косвенное, то фронтальное на послевоенные социальные завоевания трудящихся. Это является одновременно следствием и проявлением изменения соотношения классовых сил в пользу капитала. С конца длительного экономического бума 1945-1975 гг. капитал стремится поддерживать прибыльность главным образом за счет усиления эксплуатации трудящихся, как у себя, так и за границей.

В 1960-е годы, когда в Квебеке было реорганизовано высшее образование (оно подпадает под юрисдикцию провинций), плата за учебу была временно установлена на уровне \$540 в год. Но было официально заявлено, что среднесрочная цель государства – введение бесплатной учебы. В 1976 г. Канада подписала Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, пункт «с» статьи 13 которого гласит: «высшее образование должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования».

Если в других провинциях Канады правительства поспешили забыть это обязательство, то в Квебеке периодические студенческие забастовки этого не допускали. Так было до 1990 года, когда, несмотря на протесты плата в течение трех лет была утроена и достигла \$1668 за год. Это был период повышенной безработицы, особенно высокой среди молодежи, что отрицательно влияло на боеспособность и солидарность студенческой молодежи. Но протесты того периода не прошли даром, поскольку плата оставалась на новом уровне вплоть до 2007 года, когда правительству удалось в течение пяти лет снова ее повысить до \$2168 за год.

Несмотря на это плата за учебу в Квебеке в 2011 г. была еще на 45% ниже, чем средняя в Канаде (и намного ниже американской). И вот в 2011 году правительство заявило о своем намерении «исправить» ситуацию путем ежегодного повышения платы на \$500 в течение пяти лет.

Мощь реакции учащейся молодежи всех удивила, в том числе и саму молодежь. Многим казалось, что студенты, по примеру профсоюзного движения (в Квебеке около 35% наемных – без наемных управленцев – организованы в профсоюзы), опустили руки перед наступлением правых сил и под влиянием ряда поражений, что они прониклись индивидуалистической неолиберальной идеологией и погрузились в потребительскую культуру. А правительственное оправдание повышения платы, до тошноты повторяемое СМИ, было сформулировано именно в таком духе: образование – это личная инвестиция в хорошо оплачиваемое место работы после окончания учебы; поэтому справедливо, чтобы учащиеся брали на себя большую долю затрат на учебу. (По этой логике, школа тоже должна быть платной.)

* Это выражение заимствовано у арабских революций 2011 года. Их называли «арабской весной». Квебек – главный производитель сиропа, сваренного из сока кленов. Весной, когда этот сок варится на фермах в огромных котлах, школьников вывозят на фермы, где они едят блины с кленовым сиропом в специально устроенных «сахарных домиках». Это своего рода праздник весны.

Студенческая сторона эту версию наотрез отвергала, объясняя, что образованное общество – это благо для всего общества. И если кому-то диплом позволит больше зарабатывать потом, то пусть платит больше налогов по прогрессивному принципу – каждый по своим возможностям.

Прогрессивный подоходный налог в Канаде – это плод борьбы трудящихся. Но вот уже четверть века власти не перестают облегчать налогообложение предприятий и зажиточных слоев населения. А они, вместо того чтобы инвестировать дополнительные доходы в реальную экономику и создавать полезные рабочие места, спекулируют на финансовых рынках. Студенты указывали также на то, что в 2011 г. правительство отменило налог на капитал банков, самых прибыльных предприятий страны. Одной этой суммой, от которой правительство отказалось, можно было финансировать введение бесплатности учебы.

В отличие от предыдущих боев, когда правительству удавалось разъединить студенческие организации (а их три), на этот раз студенты выработали единое требование – замораживание платы – и успешно выдержали попытки правительства их разъединить. Ради единства самая многочисленная и боевая организация «КЛАСС» (Широкая коалиция для студенческой профсоюзной солидарности) отложила на потом требование бесплатной учебы. Активизации студентов способствовали провокационный размер повышения платы, да и упрямый отказ правительства от серьезных переговоров. Оно без конца твердило, что «каждый должен внести свою справедливую долю» (все, очевидно, кроме буржуазии).

В Квебекских вузах учатся около 400000 человек, половина из которых – в колледжах. (В России колледжу примерно соответствует последний год средней школы и первый год высшего образования.) В колледжах учеба бесплатная, и повышение платы их не затрагивало. Но студенты колледжей – это завтрашние студенты университетов.

В ноябре 2011 г. 25000 студентов откликнулись на призыв к однодневной предупредительной забастовке – немалое число, но и не особенно обнадеживающее. Но студенческие организации не опускали рук. Они проводили энергичную пропагандистскую и агитационную работу, публикуя и широко распространяя результаты исследований, которые показывали, как провинция без особого труда могла бы сохранить существующий уровень платы и как правительство раздает блага предприятиям и зажиточным слоям населения без отдачи для общества в целом.

В феврале 2012 г. состоялись первые общие собрания вузов по вопросу о бессрочной забастовке. Каждый вуз, а в университетах каждый отдельный факультет принимали свое решение. В первые недели забастовки эти решения заново принимались общими собраниями. К 4 марта бастовали уже 120 тыс. человек.

Начались ежедневные уличные марши, митинги, пикетирования, блокады зданий и мостов, оккупации, художественные мероприятия и другие виды протеста и гражданского неповиновения. За шесть месяцев забастовки расходы властей на сверхурочные часы работы полицейских были огромными. Часть студенческих выступлений была организована централизованно. Но большая часть организовывалась снизу по инициативе отдельных групп, о них сообщали остальным по электронным средствам информации.

Стоит особо отметить сугубо демократический характер самой левой организации – «КЛАСС». Ее делегатские конференции состоялись почти еженедельно. Они вручали исполнительному комитету императивный мандат, от которого тот не мог существенно отойти без разрешения вновь созванной конференции. Пресса и власть никак не могли понять такую структуру и упрекали «КЛАСС» за медлительность принятия ею решений и за якобы отказ ее представителей («лидеров» у нее нет) обуздать студенческую «анархию». Но эта структура («советского» типа) укрепляла у рядовых членов организации приверженность общему делу, ощущение их коллективной силы и уверенность в их способности влиять на политическую обстановку. Общие собрания студентов вообще были весьма оживленными. Дискуссии проходили на высоком уровне и были своего рода уроками гражданства и подлинной демократии.

22 марта был переломным моментом. В этот день (четверг) бастовали 300000 человек. (В бессрочной забастовке до середины августа участвовали около 190000 человек). В одном Монреале, главном городе провинции (с пригородами – 3,8 млн. населения), в марше-митинге

участвовали 200000 человек. Море людей долго шествовало по центральным улицам города, пока не дошло до порта. В этот день даже враждебные наблюдатели признались, что происходит не протест избалованных детей, желающих учиться на халяву, чтобы иметь больше денег на пиво и электронные игрушки. Теперь их упрекали как раз в обратном: «Плата за учебу – это лишь предлог. Тут видна политическая подоплека – они хотят вообще изменить курс государственной политики».

Этот «упрек» был оправдан. Ход борьбы расширил общественно-политический кругозор студентов, изменил их представление о том, что может быть достигнуто. После 22 марта студенты, ощутившие свою силу, стали думать о том, что их протест может положить начало общему контрнаступлению против антинародной политики властей. Они выдвинули новый лозунг: «Забастовка студенческая, а борьба народная!» В середине апреля коалиция «КЛАСС» опубликовала призыв к профсоюзным и другим прогрессивным общественным организациям обсудить вопрос об организации политической забастовки против регрессивных мер последнего правительственного бюджета – кроме повышения платы за учебу, был целый ряд таких мер, в том числе значительное повышение тарифа на электричество и новый поголовный налог на здравоохранение. Этот призыв отражал осознание студентами того, что их готовности пожертвовать сессией (что стоило бы правительству колоссальных денег) могло быть недостаточно для победы.

Все профсоюзные организации преподавателей вузов поддерживали требования студентов. Но профсоюзное движение в целом давно отвыкло от незаконных действий. А политические забастовки в Канаде незаконны. Забастовки и другие меры коллективного давления разрешаются только в период после истечения срока действия коллективного договора, незаконные забастовки наказываются тяжелыми штрафами. Кроме того, работодатели могут подать в суд за потери от незаконной забастовки. Конечно, если забастовка массовая и решительная, власти и работодатели побоятся преследовать трудящихся. Но под впечатлением поражений последних лет и под влиянием идеологии «социального партнерства» профсоюзные лидеры были не в состоянии отозваться на призыв студентов, а «низы» не оказывали на них действенного давления в эту сторону. В то же время профсоюзное движение словесно выражало солидарность со студентами и оказывало их организациям материальную поддержку.

Начиная с апреля некоторые студенты, противники забастовки, с поощрения правительства, стали обращаться в суд за приказами, запрещающими забастовщикам препятствовать доступу небастующих к занятиям. Судьи только и рады были удовлетворить эти просьбы. Хотя штрейкбрехерство запрещено в Квебеке, правительство не переставало повторять, что это никак не забастовка, а всего лишь (индивидуальный) бойкот. Судьи с этой версией охотно соглашались. За шесть недель было издано 38 судебных приказов. Но при попытке полиции их исполнить вспыхивали столкновения со студенческими пикетами, блокирующими входы в вузы. При этом полицией был применен необычный для современной Канады уровень насилия. В результате этих боев и несмотря на судебные приказы ректоры вузов принуждены были отменить занятия до дальнейшего уведомления.

Когда начались стычки, часть преподавателей организовались в группу «Профессора против повышения» и стали разъезжать на автобусах, предоставленных их профсоюзами, по тем вузам, где полиция собиралась исполнять очередной судебный приказ. Появление утром на заре стройной колонны преподавателей со своим знаменем, с пением партизанских песен поднимало дух студентов, переночевавших перед вузом в ожидании приезда полиции. Оно укрепляло в них уверенность в правоте их дела, даже в некоторой степени сдерживало боевой азарт полицейских. Один из преподавателей под кличкой «анархопанда» участвовал во всех больших монреальских митингах, одетый в костюм гигантской панды. Становясь между студентами и полицией, он раскрывал обеим сторонам объятия, стараясь их удержать от насильственных столкновений.

23 апреля, через десять недель после начала забастовки, правительство наконец удосужилось пригласить две из трех студенческих организаций на переговоры. Коалиция «КЛАСС» не была приглашена под предлогом, что она отказывалась осудить насильственные действия митингующих. Это была традиционная тактика «разделяй и властвуй» властей, которые усиленно отождествляли забастовщиков с насильниками и чуть ли не с террористами. Несмотря на это одна

из приглашенных организаций (студентов колледжей) приняла приглашение. Но вторая (студентов университетов) предложила два из выделенных ей мест за столом переговоров предоставить коалиции «КЛАСС». Правительство соглашалось с этим, но при условии, что съезд коалиции «КЛАСС» примет резолюцию, осуждающую «намеренное физическое насилие». Такая резолюция (но все же признающая легитимными определенные акты гражданского неповиновения) была принята. Правительство лишилось предлога, под которым не приглашала на переговоры «КЛАСС», и переговоры начались.

С 24 апреля и до самого конца забастовки во второй половине августа в Монреале ежедневно ровно в восемь часов вечера от нескольких тысяч до двадцати тысяч человек собирались в парке около Квебекского университета в центре города и отправлялись быстрым шагом по улицам города с пением песен и выкрикиванием лозунгов. Поскольку место окончания марша не объявлялось, полиция еще до начала марша объявляла его незаконным. Но она не пыталась препятствовать маршу, а лишь старалась направлять его туда, где он меньше мешал бы уличному движению. Сами участники марша старались сохранять дисциплину и сдерживать те немногие элементы (обычно это были не студенты), которые участвовали с намерением провоцировать столкновения. Марши вообще проходили мирно, но они часто кончались арестами. С начала забастовки и только до начала июня по Квебеку было арестовано 2800 человек в связи с забастовкой.

Правительство воспользовалась этим, чтобы исключить «КЛАСС» из переговоров. В ответ и две другие организации покинули зал, где должны были проходить переговоры. Тогда Министр образования представила общественности свое глобальное решение конфликта – повышение платы на те же \$625, но в течение семи лет вместо пяти и плюс ежегодная индексация (повышение) платы в соответствии с инфляцией. В итоге – повышение на 82% вместо первоначальных 75%. Студенты убедились в отсутствии доброй воли со стороны правительства.

Очередным переломным моментом было 4 мая. При подготовке к объявлению новых парламентских выборов в Квебеке (дата назначается правительством, но выборы должны состояться не реже чем раз в пять лет) правящая Либеральная партия созвала свой совет. В то время где бы ни выступал Премьер-министр, на улице митинговали тысячи людей. Митинги обычно кончались тем, что полиция гналась за протестующими по улицам в своего рода игре в кошки-мышки. Чтобы избежать протестов, конференция совета Либеральной партии собралась в провинциальном городишке Викториавилль в сельском районе за 140 км от Монреаля.

Несмотря на значительное расстояние от больших городских центров, к открытию конференции перед гостиницей, где собрался совет, стояла толпа из нескольких тысяч студентов и сочувствующих им профсоюзных активистов. Передние ряды стали толкать хрупкие защитные ограждения перед входом в гостиницу. Полиция сразу и без предупреждения ответила жгучим перечным газом. Вскоре над самой гостиницей зависло густое газовое облако, что заставило отложить открытие совета. Основная масса митингующих перед гостиницей сразу разбежалась при появлении газа. Но кто-то бросил камень в сторону полиции. Та ответила резиновыми пулями. Двое студентов, убежавших далеко от места столкновения, были тяжело ранены каучуковыми пулями – один из них потерял глаз. Арестованы были в этот вечер 110 человек, которых отпустили домой к утру.

Сцены битвы передавались прямой трансляцией по телевизору и потрясли общественность. В ту же ночь возобновились переговоры уже с представителями всех трех студенческих организаций. Профсоюзные лидеры присутствовали в качестве посредников. После 28 часов непрерывных переговоров было достигнуто довольно сложное соглашение, которое условно заморозило плату на один год. Это соглашение, вероятно, и так было бы отвергнуто общими собраниями студентов, но Премьер-министр обеспечил их единодушный отказ, когда на следующий день он «прокукарекал» по телевизору, что правительство по сути ничего не уступило. Вскоре после этого Министр образования подала в отставку и ушла из общественной жизни. Нервы, видимо, не выдержали.

18 мая правительственное большинство парламента приняло Закон №78, который приостановил учебную сессию до второй половины августа, т.е. ввел своего рода локаут. Закон установил

суровые штрафы для профсоюзов (преподавателей), их лидеров и членов, которые воспрепятствуют ходу учебы после возобновления сессии. Митинги ближе 50 метров от территории вузов были запрещены. Под угрозой тех же штрафов закон обязал профсоюзы и студенческие организации «принимать меры», обеспечивающие соблюдение закона, т.е. закон установил принцип круговой ответственности (или «преступной халатности»). Наконец, право на митинги было ограничено тем, что их дата, час, продолжительность и маршрут должны были сообщаться полиции за 8 часов до начала.

Россиянам этот закон, наверное, не показался бы особенно суровым. Но в Квебеке, особенно в обстановке наступления капитала, которое сопровождается подрывом установленных демократических порядков, этот закон многими был воспринят очень болезненно - как очередное посягательство на политические свободы. Он был сурово осужден Квебекской ассоциацией юристов, которая в частности, возразила против колоссального размера штрафов и против принципа круговой ответственности. Но и само запрещение забастовки сочли необоснованным. Закон осудила и Комиссия по правам человека Квебека, государственная организация, но лишенная исполнительной силы (типичный трюк буржуазной демократии). Несколько сотен адвокатов, одетых в свои судебные костюмы, приняли участие в молчаливом марше к Дворцу правосудия и потом к парку, откуда отправлялись ежевечерние марши. Но правительство не дрогнуло.

В тот же вечер после принятия закона в разных городах Квебека организовались марши-митинги вопреки законодательному запрету. Они произошли мирно, и полиция не вмешивалась. В Монреале по-прежнему продолжались вечерние марши, тоже с нарушением закона. По-прежнему, несмотря на усилия подавляющего большинства участников, бывали случаи вандализма и столкновения с полицией. Но и со стороны последней хватало провокаций и ничем неоправданного насилия.

22 мая, на сотый день забастовки, во всех больших городах прошли массовые митинги-марши с требованием к правительству приступить к серьезным переговорам и с осуждением закона №78. Общий лозунг был такой: «100 дней забастовки; сто дней презрения; сто дней сопротивления». По центральным улицам Монреала под проливным дождем шло четверть миллиона человек. Хотя маршрут был сообщен заранее полиции, как требовал закон, но почти в самом начале пути сами участники отклонились от него. Полиции не знала, как на это реагировать, и не реагировала. Но позднее в этот день очередной (двадцатый) вечерний марш закончился взрывами полицейских оглушающих бомб, избиением студентов и арестом 113 человек.

В городе Квебек во время мирного марша был задержан единственный парламентский депутат от левой партии «Солидарный Квебек». В своей речи перед митингующими он отстаивал право на гражданское неповиновение несправедливому закону, ссылаясь на пример Ганди. За это он был широко осужден СМИ – «и он еще себя сравнивает с Ганди!»

По опросам общественного мнения, около половины населения поддерживало правительство. Другая половина сочувствовала студентам. Среди сочувствующих многие были глубоко недовольны антинародным курсом властей за последнюю четверть века, но они давно опустили руки под впечатлением провала попыток сопротивления. Солидарность и решимость студентов, непосредственность и интеллигентность их представителей (заявления правительства на этом фоне казались запутанными и неискренними) вселяли новую надежду: а вдруг можно еще нарастить силу, способную изменить ситуацию?

В течение всей забастовки немало людей, не имеющих к ней прямого отношения, периодически участвовали в протестных мероприятиях, особенно в воскресных «семейных демонстрациях» раз в месяц, куда люди приходили с детьми и со своими собаками. Но принятие закона №78 прошло как электрический ток по этой части населения. Уже на следующий день, в 20 часов, люди вышли на балконы и по примеру аргентинских «касеролазос» стучали ложками по кастрюлям в течение пятнадцати минут. И так впоследствии – каждый вечер до конца забастовки. В некоторых районах это стихийно выливалось в митинги-марши по улицам района. Районные митинги иногда вливались в общие митинги в центре города. Люди, которые раньше никогда не говорили о политике с соседями, с удивлением и с радостью узнавали, что они с соседями разделяют схожие

взгляды. Стены отчужденности, присущие капиталистическому обществу, рушились. И от этого настроение становилось праздничным.

Борьба продолжалась в течение июня и июля – кастрюльные демонстрации, ежевечерние марши, большие митинги-шествия 22 числа каждого месяца, но уже на более низком уровне интенсивности. И вот 1 августа Премьер-министр объявил о роспуске парламента и о назначении выборов на 4 сентября: «Пусть молчаливое большинство выскажет свое слово». Между тем вузы стали объявлять календарь возобновления сессии во второй половине августа. Это поставило преподавателей перед трудным решением – если студенты продолжают бастовать, как быть? Подчиниться закону и стать штрейкбрехерами или нарушить закон? А как тогда с астрономическими штрафами?

Собрался Совет федерации, в которую входят преподавательские профсоюзы. Он принял необычное в последние годы для канадских профсоюзов решение: если общее профсоюзное собрание вуза решит, что преподаватели не должны преподавать, если условия и совесть им это не разрешают, то федерация возьмет на себя штрафы и заплатит их из своего забастовочного фонда. Это не было общей забастовкой, к которой призывали студенты, но это был все-таки своего рода призыв нарушать несправедливый закон. Общие собрания преподавателей почти всех вузов приняли решения, что кто считает, что не может преподавать, имеет на это право.

Штрафов не было, потому что после объявления новых выборов, общие собрания студентов решили или приостановить забастовку и собраться снова после выборов, или же вообще выйти из забастовки, или же продолжать бастовать, но только при условии участия в забастовке минимум 40000 человек. К концу августа все остановили или приостановили забастовку. У части студентов настроение было удрученное. Но другие довольно спокойно отнеслись к повороту событий, считая, что они сделали все, что было в их силах, для изменения соотношения сил. Больше пока было невозможно. Да и сессия все-таки не была потеряна. Все очень устали и с трудом могли сосредоточиться на завершении ускоренной сессии.

На выборах состязались три крупных партии – две правых и одна сепаратистская, которая любила себя представлять как социал-демократическую, – Le parti québécois, или, короче, PQ. Во время забастовки эта партия выступала за замораживание платы за учебу и вела свою кампанию на довольно прогрессивной платформе, которую она во многом заимствовала из платформы партии «Солидарный Квебек», активисты которой принимали энергичное участие в студенческой забастовке. В программе «Солидарного Квебека» был пункт о бесплатном образовании на всех уровнях.

Самая многочисленная и радикальная студенческая организация «КЛАСС» решила не участвовать в предвыборной кампании. В ней были сильны анархистские настроения. Но две другие организации сформулировали ряд требований и просили кандидатов в стратегических избирательных округах высказаться по ним. В округе Премьер-министра, где находится крупный университет, студенты развили особенно энергичную кампанию с целью его провалить, что им удалось, после чего он ушел из общественной жизни (и занял весьма доходную позицию в крупной адвокатской фирме).

Выборы не дали абсолютного большинства ни одной из партий. Но PQ получила относительное большинство и поэтому право сформировать новое правительство. Новая Премьер-министр на следующий же день после выборов позвонила представителям студенческих организаций и сообщила, что повышение платы и закон №78 будут аннулированы, что будет созван «саммит высшего образования» с участием всех заинтересованных сторон для решения вопроса о плате за учебу и многих других вопросов, относящихся к высшему образованию.

В свои первые дни новое правительство заявило еще о ряде других прогрессивных начинаний. Но примерно через две недели «обнаружилось», что прежнее правительство неправильно считало деньги, что правительство распоряжается меньшими средствами, чем оно думало, и что приоритетом должно быть достижение сбалансированного бюджета. Поэтому, к сожалению, не только не будет скоро новых прогрессивных мер, но придется еще временно сократить определенные социальные расходы. Скорее всего, Ассоциация работодателей дала знать правительству о своем недовольстве предложенными мерами, и правительство испугалось.

Возможно и то, что с самого начала заявление о прогрессивных мерах было блефом, чтобы отвлечь голоса от «Солидарного Квебека». (Партия получила 6% голосов и еще одного депутата.) Многие сторонники этой партии голосовали «стратегически» за PQ как за «меньшее зло», чтобы избавиться от Либеральной партии и либерального правительства.

В феврале 2013 г. состоялся «саммит высшего образования» – всего полтора дня. Коалиция «КЛАСС» отказалась участвовать, утверждая, что все уже давно было решено. Действительно, Премьер-министр заранее заявила, что бесплатность даже как дальняя перспектива обсуждаться не будет и что повышение платы в соответствии с инфляцией – это и есть замораживание. Несмотря на несогласие представителей студентов, саммит так и решил. Любопытно и то, что плата была повышена на 3%, хотя уровень инфляции за 2012 год был лишь 2,46%. Но все-таки это было гораздо меньше, чем планировало ушедшее либеральное правительство (ежегодное \$500-ое повышение). К тому же новое правительство обязалось влить значительные дополнительные средства в высшее образование в течение следующих нескольких лет.

Такой результат после длительной борьбы, конечно, разочаровал студентов. Но хотя и наблюдается усталость, общее настроение на сегодняшний день (на начало апреля 2013 г.) неудрученное. Большинство студентов чувствуют, что они сделали все, что в существующих условиях было им по силам, особенно когда основная масса народа еще не доросла до коллективной защиты своих интересов. Активные участники забастовки утверждают, что они уже не те, какими были до этой борьбы, что участие в движении их в чем-то преобразовало. И на самом деле – целое поколение пробудилось политически, научилось организовываться самостоятельно и демократически, почувствовало силу коллективного солидарного действия, избавилось от иллюзий о буржуазной демократии. Пробудившееся поколение уже не рассматривает установленные структуры и порядки как незыблемые, а понимает, что они лишь отражают соотношение классовых сил в данный момент и что соотношение сил можно изменить, если действовать коллективно и с разумной стратегией.